

Василий Осипович Ключевский

Иван Грозный

*Часть сборника
Исторические портреты*

Василий Осипович Ключевский
Иван Грозный
Серия «Исторические портреты»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176667
Исторические портреты: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-28593-8*

Аннотация

«Царь Иван родился в 1530 г. От природы он получил ум бойкий и гибкий, вдумчивый и немного насмешливый, настоящий великорусский, московский ум. Но обстоятельства, среди которых протекло детство Ивана, рано испортили этот ум, дали ему неестественное, болезненное развитие. Иван рано осиротел – на четвертом году лишился отца, а на восьмом потерял и мать. Он с детства видел себя среди чужих людей...»

**Василий Осипович
Ключевский
Иван Грозный**

Иоанн IV Грозный.

По рисунку XVI в.

Детство. Царь Иван родился в 1530 г. От природы он получил ум бойкий и гибкий, вдумчивый и немного насмешливый, настоящий великорусский, московский ум. Но обстоятельства, среди которых протекло детство Ивана, рано испортили этот ум, дали ему неестественное, болезненное развитие. Иван рано осиротел – на четвертом году лишился отца, а на восьмом потерял и мать. Он с детства видел себя среди чужих людей. В душе его рано и глубоко врезалось и всю жизнь сохранялось чувство сиротства, брошенности, одиночества, о чем он твердил при всяком случае: «Родственники мои не заботились обо мне». Отсюда его робость, ставшая основной чертой его характера. Как все люди, выросшие среди чужих, без отцовского призора и материнского привета, Иван рано усвоил себе привычку ходить оглядываясь и прислушиваясь. Это развило в нем подозрительность, которая с годами превратилась в глубокое недоверие к людям.

В детстве ему часто приходилось испытывать равнодушие или пренебрежение со стороны окружающих. Он сам вспоминал после в письме к князю Курбскому, как его с младшим братом Юрием в детстве стесняли во всем, держали как убогих людей, плохо кормили и одевали, ни в чем воли не давали, все заставляли делать насильно и не по возрасту. В торжественные, церемониальные случаи – при выходе или при-

еме послов – его окружали царственной пышностью, становились вокруг него с раболепным смирением, а в будни те же люди не церемонились с ним, порой баловали, порой дразнили. Играют они, бывало, с братом Юрием в спальне покойного отца, а первенствующий боярин князь И. В. Шуйский развалится перед ними на лавке, обопрется локтем о постель покойного государя, их отца, и ногу на нее положит, не обращая на детей никакого внимания, ни отеческого, ни даже властительного. Горечь, с какою Иван вспоминал об этом 25 лет спустя, дает почувствовать, как часто и сильно его сердили в детстве. Его ласкали как государя и оскорбляли как ребенка.

Но в обстановке, в какой шло его детство, он не всегда мог тотчас и прямо обнаружить чувство досады или злости, сорвать сердце. Эта необходимость сдерживаться, дуться в рукав, глотать слезы питала в нем раздражительность и затаенное, молчаливое озлобление против людей, злость со стиснутыми зубами. К тому же он был испуган в детстве. В 1542 г., когда правила партия князей Бельских, сторонники князя И. Шуйского ночью врасплох напали на стоявшего за их противников митрополита Иоасафа. Владыка скрылся во дворце великого князя. Мятежники разбили окна у митрополита, бросились за ним во дворец и на рассвете вломились с шумом в спальню маленького государя, разбудили и напугали его.

Влияние боярского правления. Безобразные сцены

боярского своеволия и насилий, среди которых рос Иван, были первыми политическими его впечатлениями. Они превратили его робость в нервную пугливость, из которой с годами развилась склонность преувеличивать опасность, образовалось то, что называется страхом с великими глазами. Вечно тревожный и подозрительный, Иван рано привык думать, что окружен только врагами, и воспитал в себе печальную склонность высматривать, как плетется вокруг него бесконечная сеть козней, которою, чудилось ему, стараются опутать его со всех сторон. Это заставляло его постоянно держаться настороже; мысль, что вот-вот из-за угла на него бросится недруг, стала привычным, ежеминутным его ожиданием. Всего сильнее работал в нем инстинкт самосохранения. Все усилия его бойкого ума были обращены на разработку этого грубого чувства.

Ранняя развитость и возбуждаемость. Как все люди, слишком рано начавшие борьбу за существование, Иван быстро рос и преждевременно вырос. В 17–20 лет, при выходе из детства, он уже поражал окружающих непомерным количеством пережитых впечатлений и передуманных мыслей, до которых его предки не додумывались и в зрелом возрасте. В 1546 г., когда ему было 16 лет, среди ребяческих игр он, по рассказу летописи, вдруг заговорил с боярами о женитьбе, да говорил так обдуманно, с такими предусмотрительными политическими соображениями, что бояре расплакались от умиления, что царь так молод, а уж так много подумал, ни с

кем не посоветовавшись, от всех утаившись. Эта ранняя привычка к тревожному уединенному размышлению «про себя, втихомолку», надорвала мысль Ивана, развила в нем болезненную впечатлительность и возбуждаемость.

Иван рано потерял равновесие своих духовных сил, умные направлять их, когда нужно, разделять их работу или сдерживать одну противодействием другой, рано привык вводить в деятельность ума участие чувства. О чем бы он ни размышлял, он подгонял, подзадоривал свою мысль страстью. С помощью такого самовнушения он был способен разгорячить свою голову до отважных и высоких помыслов, раскалить свою речь до блестящего красноречия. И тогда с его языка или из-под его пера, как от горячего железа под молотком кузнеца, сыпались искры остроумия, колкие насмешки, меткие словца, неожиданные обороты. Иван – один из лучших московских ораторов и писателей XVI в., потому что был самый раздраженный москвич того времени. В сочинениях, написанных под диктовку страсти и раздражения, он больше заражает, чем убеждает, поражает жаром речи, гибкостью ума, изворотливостью диалектики, блеском мысли. Но это фосфорический блеск, лишенный теплоты, это не вдохновение, а горячка головы, нервическая прыть, следствие искусственного возбуждения.

Силовертовъ, раскрывъ Св. Писаніе предъ Царемъ Иоанномъ IV, заклинаетъ его быть ревностнымъ исполнителемъ уставовъ, 1547. годъ.

Читая письма царя к князю Курбскому, поражаешься быстрой сменой в авторе самых разнообразных чувств: порывы великодушия и раскаяния, проблески глубокой задушевности чередуются с грубой шуткой, жестким озлоблением, холодным презрением к людям. Минуты усиленной работы ума и чувства сменялись полным упадком утомленных душевных сил, и тогда от всего его остроумия не оставалось и простого здравого смысла. В эти минуты умственного изнеможения и нравственной опущенности он способен был на затеи, лишенные всякой сообразительности.

Изображение Иоанна IV Васильевича в молодые годы, приведенное в рукописи «Казанский летописец», хранящейся в Академии наук в Петербурге

Быстро перегорая, такие люди со временем, когда в них слабеет возбуждаемость, прибегают обыкновенно к искусственному средству, вину, и Иван в годы опричнины, кажется, не чуждался этого средства. Такой нравственной неровностью, чередованием высоких подъемов духа с самыми постыдными падениями, объясняется и государственная деятельность Ивана. Царь совершил или задумывал много хорошего, умного, даже великого, и рядом с этим наделал еще больше поступков, которые сделали его предметом ужаса и отвращения для современников и последующих поколений. Разгром Новгорода по одному подозрению в измене, московские казни, убийство сына и митрополита Филиппа, безобразия с опричниками в Москве и в Александровской слободе, – читая обо всем этом, подумаешь, что это был зверь от природы.

Нравственная неуравновешенность. Но он не был таким. По природе или воспитанию он был лишен устойчивого нравственного равновесия и, при малейшем житейском затруднении, охотнее склонялся в дурную сторону. От него ежеминутно можно было ожидать грубой выходки: он не умел сладить с малейшим неприятным случаем. В 1577 г., на улице в завоеванном ливонском городе Кокенгаузене, он благодушно беседовал с пастором о любимых своих богословских предметах, но едва не приказал его казнить, когда тот неосторожно сравнил Лютера с апостолом Павлом, ударил пастора хлыстом по голове и ускакал со словами: «Поди

ты к черту со своим Лютером».

В другое время он велел изрубить присланного ему из Персии слона, не хотевшего стать перед ним на колена. Ему недоставало внутреннего, природного благородства. Он был восприимчивее к дурным, чем к добрым, впечатлениям. Он принадлежал к числу тех недобрых людей, которые скорее и охотнее замечают в других слабости и недостатки, чем дарования или добрые качества. В каждом встречном он, прежде всего, видел врага. Всего труднее было приобрести его доверие. Для этого таким людям надобно ежеминутно давать чувствовать, что их любят и уважают, всецело им преданы, и, кому удавалось уверить в этом царя Ивана, тот пользовался его доверием до излишества. Тогда в нем вскрывалось свойство, облегчающее таким людям тягость постоянно напряженного злого настроения, – это привязчивость. Первую жену свою он любил какой-то особенно чувствительной, нестроеновской любовью. Так же безотчетно он привязывался к Сильвестру и Адашеву, а потом и к Малюте Скуратову. Это соединение привязчивости и недоверчивости выразительно сказалось в духовной Ивана, где он дает детям наставление, «как людей любить и жаловать и как их беречься». Эта двойственность характера и лишала его устойчивости. Житейские отношения больше тревожили и злили его, чем заставляли размышлять.

Но в минуты нравственного успокоения, когда он освобождался от внешних раздражающих впечатлений и оставал-

ся наедине с самим собой, со своими задушевными думами, им овладевала грусть, к какой способны только люди, испытавшие много нравственных утрат и житейских разочарований. Кажется, ничего не могло быть формальнее и бездушнее духовной грамоты древнего московского великого князя с ее мелочным распорядком движимого и недвижимого имущества между наследниками. Царь Иван и в этом стереотипном акте выдержал свой лирический характер. Эту духовную он начинает возвышенными богословскими размышлениями и продолжает такими задушевными словами: «Тело изнемогло, болезнует дух, раны душевные и телесные умножились, и нет врача, который бы исцелил меня; ждал я, кто бы поскорбел со мной, и не явилось никого, утешающих я не нашел, заплатили мне злом за добро, ненавистью за любовь». Бедный страдалец, царственный мученик – подумаешь, читая эти жалобно-скорбные строки, а этот страдалец, года за два до того, ничего не расследовав, по одному подозрению, так, зря, бесчеловечно и безбожно разгромил большой древний город с целю областью, как никогда не громили никакого русского города татары. В самые злые минуты он умел подниматься до этой искусственной задушевности, крокодилова плача.

В разгар казней входит он в московский Успенский собор. Митрополит Филипп встречает его, готовый по долгу сана печаловаться, ходатайствовать за несчастных, обреченных на казнь. «Только молчи, – говорил царь, едва сдержи-

ваясь от гнева, — одно тебе говорю — молчи, отец святой, молчи и благослови нас». — «Наше молчание, — отвечал Филипп, — грех на душу твою налагает и смерть наносит». — «Ближние мои, — скорбно возразил царь, — встали на меня, ищут мне зла; какое тебе дело до наших царских предначертаний!» Описанные свойства царя Ивана сами по себе могли бы послужить только любопытным материалом для психолога, скорее для психиатра, скажут иные: ведь так легко нравственную распущенность, особенно на историческом расстоянии, признать за душевную болезнь и под этим предлогом освободить память мнимобольных от исторической ответственности. К сожалению, одно обстоятельство сообщило описанным свойствам значение, гораздо более важное, чем какое обыкновенно имеют психологические курьезы, появляющиеся в людской жизни, особенно такой обильной всякими душевными курьезами, как русская: Иван был царь.

Черты его личного характера дали особое направление его политическому образу мыслей, а его политический образ мыслей оказал сильное, притом вредное, влияние на его политический образ действий, испортил его.

Ранняя мысль о власти. Иван рано и много, раньше и больше, чем бы следовало, стал думать своей тревожной мыслью о том, что он государь Московский и всея Руси. Скандалы боярского правления постоянно поддерживали в нем эту думу, сообщали ей тревожный, острый характер. Его сердили и обижали, выталкивали из дворца и грозили убить

людей, к которым он привязывался, пренебрегая его детскими мольбами и слезами. У него на глазах выказывали непочтение к памяти его отца, может быть, дурно отзывались о покойном в присутствии сына. Но этого сына все признавали законным государем. Ни от кого не слышал он и намека на то, что его царственное право может подвергнуться сомнению, спору. Каждый из окружающих, обращаясь к Ивану, называл его великим государем; каждый случай, его тревоживший или раздражавший, заставлял его вспоминать о том же и с любовью обращаться к мысли о своем царственном достоинстве как к политическому средству самообороны.

Ивана учили грамоте, вероятно, так же, как учили его предков, как вообще учили грамоте в Древней Руси, заставляя твердить Часослов и Псалтырь с бесконечным повторением задов, прежде пройденного. Изречения из этих книг затверживались механически, на всю жизнь врезывались в память. Кажется, детская мысль Ивана рано начала проникать в это механическое зубрение Часослова и Псалтыря. Здесь он встречал строки о царе и царстве, помазаннике Божием, нечестивых советниках, блаженном муже, который не ходит на их совет, и т. п. С тех пор как стал Иван понимать свое сиротское положение и думать об отношениях своих к окружающим, эти строки должны были живо затрагивать его внимание. Он понимал эти библейские афоризмы по-своему, прилагая их к себе, к своему положению. Они давали ему прямые и желанные ответы на вопросы, какие возбужда-

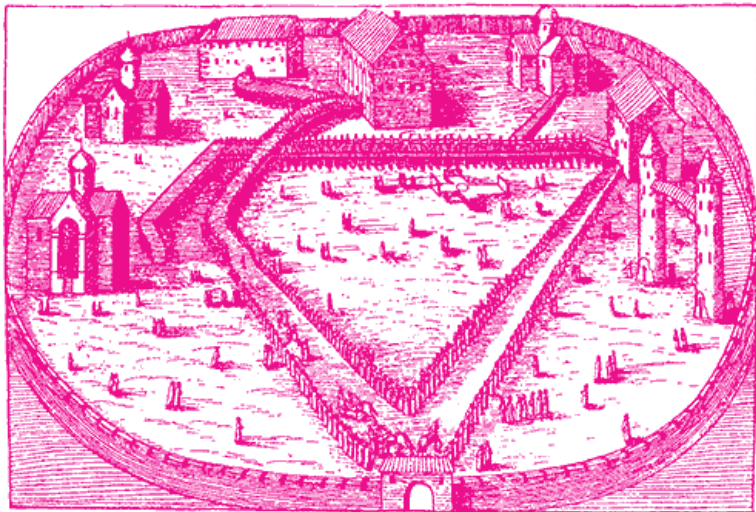

лись в его голове житейскими столкновениями, подсказывали нравственное оправдание тому чувству злости, какое вызывали в нем эти столкновения. Легко понять, какие быстрые успехи в изучении Святого Писания должен был сделать Иван, применяя к своей экзегетике такой нервный, субъективный метод, изучая и толкуя слово Божие под диктовку раздраженного, капризного чувства. С тех пор книги должны были стать любимым предметом его занятий.

От Псалтыря он перешел к другим частям Писания, перечитал много, что мог достать из тогдашнего книжного запаса, вращавшегося в русском читающем обществе. Это был самый начитанный москвич XVI в. Недаром современники называли его «словесной мудрости ритором». О богословских предметах он любил беседовать, особенно за обеденным столом, и имел, по словам летописи, особливую остроту и память от Божественного Писания. Раз в 1570 г. он устроил в своих палатах торжественную беседу о вере с пастором польского посольства, чехом-евангеликом Рокитой, в присутствии посольства, бояр и духовенства. В пространной речи он изложил протестантскому богослову обличительные пункты против его учения и приказал ему защищаться «вольно и смело», без всяких опасений, внимательно и терпеливо выслушал защитительную речь пастора и после написал на нее пространное опровержение, до нас дошедшее.

Этот ответ царя местами отличается живостью и образно-

стью. Мысль не всегда идет прямым логическим путем, натолкнувшись на трудный предмет, туманится или сбивается в сторону, но порой обнаруживает большую диалектическую гибкость. Тексты Писания не всегда приводятся кстати, но очевидна обширная начитанность автора не только в Писании и отеческих творениях, но и в переводных греческих хронографах, тогдашних русских учебниках всеобщей истории. Главное, что читал он особенно внимательно, было духовного содержания; везде находил он и отмечал одни и те же мысли и образы, которые отвечали его настроению, вторили его собственным думам. Он читал и перечитывал любимые места, и они неизгладимо врезывались в его память. Не менее иных нынешних записных ученых, Иван любил пестрить свои сочинения цитатами кстати и некстати. В первом письме к князю Курбскому он на каждом шагу вставляет отдельные строки из Писания, иногда выписывает подряд целые главы из ветхозаветных пророков или апостольских посланий и очень часто без всякой нужды искажает библейский текст. Это происходило не от небрежности в списывании, а оттого, что Иван, очевидно, выписывал цитаты наизусть.

Александровская слобода

Идея власти. Так рано зародилось в голове Ивана политическое размышление – занятие, которого не знали его московские предки ни среди детских игр, ни в деловых заботах зрелого возраста. Кажется, это занятие шло втихомолку, тайком от окружающих, которые долго не догадывались, в какую сторону направлена встревоженная мысль молодого государя, и, вероятно, не одобрили бы его усидчивого внимания к книгам, если бы догадались. Вот почему они так удивились, когда в 1546 г. шестнадцатилетний Иван вдруг заговорил с ними о том, что он задумал жениться. Но прежде женитьбы он хочет поискать прародительских обычаев, как

прародители его, цари и великие князья и сродник его, Владимир Всеволодович Мономах, на царство, на великое княжение садились. Пораженные неожиданностью дум государя, бояре, прибавляет летописец, удивились, что государь так молод, а уж прародительских обычаев поискал.

Первым помыслом Ивана при выходе из правительственной опеки бояр было принять титул царя и венчаться на царство торжественным церковным обрядом. Политические думы царя вырабатывались тайком от окружающих, как тайком складывался его сложный характер. Впрочем, по его сочинениям можно с некоторой точностью восстановить ход его политического самовоспитания. Его письма к князю Курбскому – наполовину политические трактаты о царской власти и наполовину полемические памфлеты против боярства и его притязаний. Попробуйте бегло перелистать его первое длинное-предлинное послание – оно поразит вас видимой пестротой и беспорядочностью своего содержания, разнообразием книжного материала, кропотливо собранного автором и щедрой рукой рассыпанного по этим нескончаемым страницам. Чего тут нет, каких имен, текстов и примеров! Длинные и короткие выписки из Святого Писания и отцов Церкви, строки и целые главы из ветхозаветных пророков – Моисея, Давида, Исаии; новозаветных церковных учителей – Василия Великого, Григория Назианзина, Иоанна Златоуста; образы классической мифологии и эпоса – Зевс, Аполлон, Антенор, Эней – рядом с библейскими именами Иисуса Нави-

на, Гедеона, Авимелеха, Иевффая, бессвязные эпизоды из еврейской, римской, византийской истории и даже из истории западноевропейских народов со средневековыми именами Зинзириха Вандальского, готов, савроматов, французов, вычитанными из хронографов, и, наконец, порой невзначай брошенная черта из русской летописи. И все это, перепутанное, переполненное анахронизмами, с калейдоскопической пестротой, без видимой логической последовательности всплывает и исчезает перед читателем, повинуюсь прихотливым поворотам мысли и воображения автора. Вся эта, простите за выражение, «ученая каша» сдобрена богословскими или политическими афоризмами, настойчиво подкладываемыми, и порой послена тонкой иронией или жестким, иногда метким, сарказмом. «Какая хаотическая память, набитая набором всякой всячины», – подумаешь, перелистав это послание. Недаром князь Курбский назвал письмо Ивана «бабьей болтовней», где тексты Писания переплетены с речами о женских телогреях и о постелях.

Но вникните пристальнее в этот пенный поток текстов, размышлений, воспоминаний, лирических отступлений, и вы без труда уловите основную мысль, которая красной нитью проходит по всем этим, видимо, столь нестройным страницам. С детства затверженные автором любимые библейские тексты и исторические примеры все отвечают на одну тему – все говорят о царской власти, ее Божественном происхождении, государственном порядке, отношениях к совет-

никам и подданным, гибельных следствиях разновластия и безначалия. «Несть власти, аще не от Бога. Всяка душа вла-
стем предержажим да повинуется. Горе граду, им же градом
мнози обладают» и т. п.

Э. Соколовский. **Иван Грозный в монашеском облачении**

Упорно вчитываясь в любимые тексты и бесконечно о них размышляя, Иван постепенно и незаметно создал себе из них идеальный мир, в который уходил, как Моисей на свою гору, отдыхать от житейских страхов и огорчений. Он с любовью созерцал эти величественные образы ветхозаветных избранников и помазанников Божиих – Моисея, Саула, Да-

вида, Соломона. Но в этих образах он, как в зеркале, старался разглядеть самого себя, свою собственную царственную фигуру, уловить в них отражение своего блеска или перенести на себя самого отблеск их света и величия. Понятно, что он залюбовался собой, что его собственная особа в подобном отражении представилась ему озаренною блеском и величием, какого и не чуяли на себе его предки, простые московские князья-хозяева.

Иван IV был первый из московских государей, который узрел и живо почувствовал в себе царя в настоящем библейском смысле, помазанника Божия. Это было для него политическим откровением, и с той поры его царственное я сделалось для него предметом набожного поклонения. Он сам для себя стал святыней и в помыслах своих создал целое богословие политического самообожания в виде ученой теории своей царской власти. Тоном вдохновенного свыше и вместе с обычной тонкой иронией писал он во время переговоров о мире врагу своему, Стефану Баторию, коля ему глаза его избирательной властью: «Мы, смиренный Иоанн, царь и великий князь всея Руси по Божию изволению, а не по многмятежному человеческому хотению».

Недостаток практической ее разработки. Однако из всех этих усилий ума и воображения царь вынес только простую, голую идею царской власти без практических выводов, каких требует всякая идея. Теория осталась не разработанной в государственный порядок, политическую програм-

му. Увлеченный враждой и воображаемыми страхами, он упустил из виду практические задачи и потребности государственной жизни и не умел приладить своей отвлеченной теории к местной исторической действительности. Без этой практической разработки его возвышенная теория верховной власти превратилась в каприз личного самовластия, оказалась в орудие личной злости, безотчетного произвола. Потому стоявшие на очереди практические вопросы государственного порядка остались неразрешенными.

В молодости, начав править государством, царь с избранными своими советниками повел смелую внешнюю и внутреннюю политику. Целью ее было, с одной стороны, добиться берега Балтийского моря и войти в непосредственные торговые и культурные сношения с Западной Европой, а с другой – привести в порядок законодательство и устроить областное управление, создать местные земские миры, призвать их к участию не только в местных судебно-административных делах, но и в деятельности центральной власти. Земский собор, впервые созванный в 1550 г., развиваясь и входя обычным органом в состав управления, должен был укрепить в умах идею земского царя взамен удельного вотчинника. Но царь не ужился со своими советниками. При подозрительном и болезненно-возбужденном чувстве власти, он считал добрый прямой совет посягательством на свои верховные права, несогласие со своими планами – знаком крамолы, заговора и измены. Удалив от себя добрых советников,

он отдался одностороннему направлению своей мнительной политической мысли, везде подозревавшей козни и крамолы, и неосторожно возбудил старый вопрос об отношении государя к боярству – вопрос, которого он не в состоянии был разрешить, и которого потому не следовало возбуждать.

Дело заключалось в исторически сложившемся противоречии, несогласии правительственного положения и политического настроения боярства с характером власти и политическим самосознанием московского государя. Этот вопрос был неразрешим для московских людей XVI в. Потому надобно было до поры до времени заминать его, сглаживая вызвавшее его противоречие средствами благоразумной политики. Иван хотел разом разрубить вопрос, обострив самое противоречие, своей односторонней политической теорией поставив его ребром, как ставят тезисы на ученых диспутах, принципиально, но непрактично.

Усвоив себе чрезвычайно исключительную и нетерпеливую, чисто отвлеченную идею верховной власти, он решил, что не может править государством, как правили его отец и дед, при содействии бояр, но, как иначе он должен править, этого он и сам не мог уяснить себе. Превратив политический вопрос о порядке в ожесточенную вражду с лицами, бесцельную и неразборчивую резню, он своей опричниной внес в общество страшную смуту, а сыноубийством подготовил гибель своей династии. Между тем успешно начатые внешние предприятия и внутренние реформы расстроились.

Они были брошены недоконченными по вине неосторожно обостренной внутренней вражды.

Отсюда понятно, почему этот царь двоился в представлении современников, переживших его царствование. Так, один из них, описав славные деяния царя до смерти царицы Анастасии, продолжает: «А потом – словно страшная буря, налетевшая со стороны, смутила покой его доброго сердца, и я не знаю, как перевернула его многомудренный ум в нрав свирепый, и стал он мятежником в собственном государстве». Другой современник, характеризуя грозного царя, пишет, что это был «муж чудного рассуждения, в науке книжного почитания доволен и многоречив, зело ко ополчению дерзостен и за свое отечество стоятелен, на рабы, от Бога данные ему, жестосерд, на пролитие крови дерзостен и неумолим, множество народа от мала и до велика при царстве своем погубил, многие города свои попленил и много иного содеял над рабами своими; но этот же царь Иван и много доброго совершил, воинство свое весьма любил и на нужды его из казны своей неоскудно подавал».

Боярское правление. По смерти Василия, в малолетство его сына, требовавшее продолжительной опеки, власть надолго попала в руки бояр. Теперь они могли распорядиться государством по-своему, осуществить свои политические идеалы и согласно с ними перестроить государственный порядок. Но они не пытались строить никакого нового государственного порядка. Разделившись на партии князей Шуй-

ских и Бельских, бояре повели ожесточенные усобицы друг с другом из личных или фамильных счетов, а не за какой-либо государственный порядок. В продолжение десяти лет со смерти правительницы Елены (1538) они вели эти усобицы, и это десятилетие прошло не только бесплодно для политического положения боярства, но и уронило его политический авторитет в глазах русского общества. Все увидели, какая анархическая сила это боярство, если оно не сдерживается сильной рукой; но причина его разлада с государем и на этот раз не выяснилась.

Переписка царя с Курбским. В царствование Грозного, когда возобновилось столкновение, обе ссорившиеся стороны имели случай высказать яснее свои политические взгляды и объяснить причины взаимного нелюбья. В 1564 г. боярин князь А. М. Курбский, сверстник и любимец царя Ивана, герой Казанской и Ливонской войн, командуя московскими полками в Ливонии, проиграл там одну битву и, боясь царского гнева за эту ли неудачу или за связь с павшими Сильвестром и Адашевым, убежал к польскому королю, покинув в Дерпте, где был воеводой, свою жену с малолетним сыном. Он принял деятельное участие в польской войне против своего царя и отечества. Но беглый боярин не хотел молча расстаться со своим покинутым государем: с чужбины, из Литвы, он написал резкое, укоризненное, «досадительное» послание Ивану, укоряя его в жестоком обращении с боярами.

Царь Иван, сам «словесной мудрости ритор», как его звали современники, не хотел остаться в долгу у беглеца и отвечал ему длинным оправдательным посланием, «широковещательным и многошумящим», как назвал его князь Курбский, на которое последний возражал. Переписка с длинными перерывами шла в 1564–1579 гг. Князь Курбский написал всего четыре письма, царь Иван – два; но его первое письмо составляет по объему больше половины всей переписки (62 из 100 страниц по изданию Устрялова). Кроме того, Курбский написал в Литве обвинительную «Историю князя великого Московского», т. е. царя Ивана, где также выражал политические воззрения своей боярской братии. Так обе стороны как бы исповедались друг другу, и можно было бы ожидать, что они полно и откровенно высказали свои политические воззрения, т. е. вскрыли причины взаимной неприязни. Но и в этой полемике, веденной обеими сторонами с большим жаром и талантом, не находим прямого и ясного ответа на вопрос об этих причинах, и она не выводит читателя из недоумения. Письма князя Курбского наполнены преимущественно личными или сословными упреками и политическими жалобами; в «Истории» он высказывает и несколько общих политических и исторических суждений.

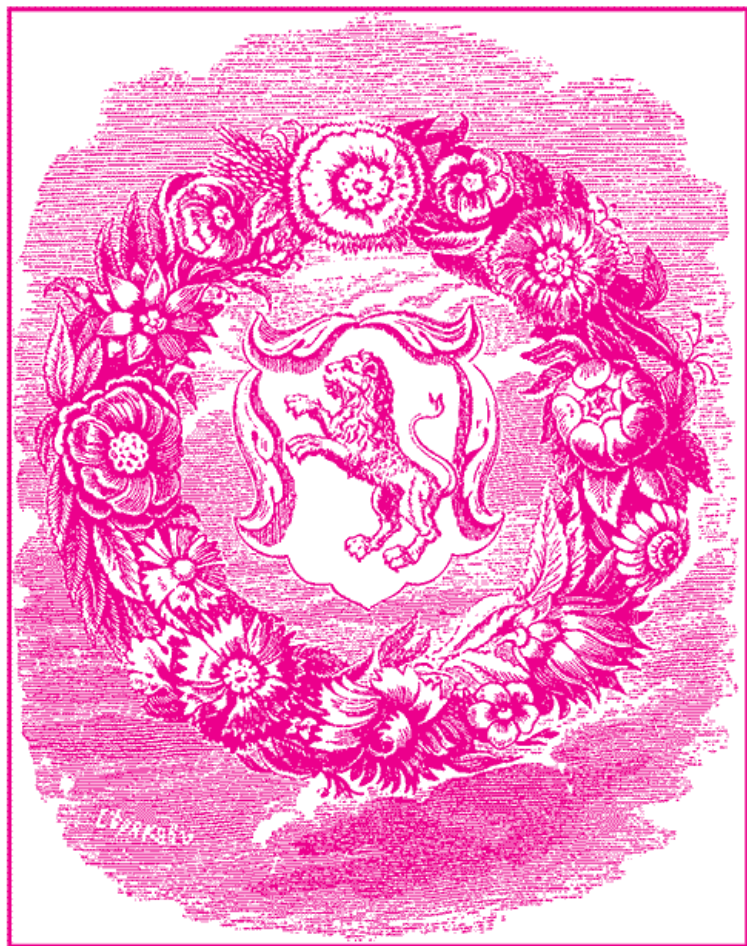
П. Соколов. Иван Грозный и Семен Курбский

Суждения Курбского. Свою «Историю царя Ивана» он начинает заунывным раздумьем: «Много раз докучали мне вопросом: как все это приключилось от столь доброго прежде и прекрасного царя, для отечества пренебрегавшего своим здоровьем, понесшего тяжкие труды и беды в борьбе с врагами Креста Христова и от всех пользовавшегося доброй славой? И много раз, со вздохом и слезами молчал я на этот вопрос, – не хотелось отвечать; наконец, вынужден был сказать хоть что-нибудь об этих происшествиях и так отвечал на учащенные вопросы: если бы рассказывать сначала и

по порядку, много пришлось бы мне писать о том, как в предобрый русских князей род посеял дьявол злые нравы, особенно злыми их женами-чародейками, как это было и у израильских царей, более же всего – теми, которые взяты были из иноплеменников». Значит, во взгляде на ближайшее московское прошлое и князь Курбский стоит на точке зрения Берсеня, видит корень зла в царевне Софье, за которой следовала такая же иноземка Елена Глинская, мать царя. Впрочем, и без того как-то предобрый некогда русских князей род выродился в московский, «этот ваш издавна кровопийственный род», как выразился Курбский в письме к царю. «Обычай у московских князей издавна, – пишет он в “Истории”, – желать братий своих крови и губить их, убогих, ради и окаянных вотчин, несытства ради своего».

Попадают у Курбского и политические суждения, похожие на принципы, теорию. Он считает нормальным только такой государственный порядок, который основан не на личном усмотрении самовластия, а на участии «синклита», боярского совета, в управлении; чтобы вести государственные дела успешно и благочинно, государю необходимо советоваться с боярами. Царю подобает быть главой, а мудрых советников своих любить, «яко свои уды», – так выражает Курбский правильные, благочинные отношения царя к боярам. Вся его «История» построена на одной мысли – о благотворном действии боярского совета. Царь правил мудро и славно, пока был окружен добродородными и правдивыми со-

ветниками.

Герб князя Курбского

Впрочем, государь должен делиться своими царскими думами не с одними великородными и правдивыми советниками – князь Курбский допускает и народное участие в управлении, стоит за пользу и необходимость земского собора. В своей «Истории» он высказывает такой политический тезис: «Если царь и почтен царством, но не получил от Бога каких-либо дарований, он должен искать доброго и полезного совета не только у своих советников, но и у всенародных человек. Потому что дар духа дается не по богатству внешнему и не по могуществу власти, но по правоте душевной». Под этими «всенародными людьми» Курбский мог понимать только собрание людей, призываемых для совета из разных сословий, от всей земли: келейные совещания с отдельными лицами едва ли ему были желательны. Вот почти и все политические воззрения Курбского.

Князь стоит за правительственное значение боярского совета и за участие земского собора в управлении. Но он мечтает о вчерашнем дне, запоздал со своими мечтами. Ни правительственное значение боярского совета, ни участие земского собора в управлении не были уже в то время идеалами, не могли быть политическими мечтами. Боярский совет и земский собор были уже в то время политическими фактами: первый – фактом очень старым, а второй – явлением еще недавним, и оба – фактами, хорошо знакомыми нашему публицисту. Искони государи Русские и Московские думали

мали о всяких делах, законодательствовали со своими боярами. В 1550 г. созван был и первый Земский собор, и князь Курбский должен был хорошо помнить это событие, когда царь обратился за советом ко «всенародным человекам», простым земским людям. Итак, князь Курбский стоит за существующие факты; его политическая программа не идет за пределы действующего государственного порядка: он не требует ни новых прав для бояр, ни новых обеспечений для их старых прав, вообще не требует перестройки наличного государства. В этом отношении он разве только немного идет дальше своего предшественника И. Н. Берсеня-Беклемишева и, резко осуждая московское прошлое, ничего не умеет придумать лучше этого прошлого.

Возражения царя. Теперь послушаем другую сторону. Царь Иван пишет менее спокойно и складно. Раздражение теснит его мысль множеством чувств, образов и помыслов, которых он не умеет уложить в рамки последовательного и спокойного изложения. Новая фраза, наворачиваясь кстати, заставляет его повертывать речь в другую сторону, забывая главную мысль, не договаривая начатого. Поэтому нелегко уловить его основные мысли и тенденции в этой пене нервной диалектики. Разгораясь, речь его становится жгучей. «Письмо твое принято, – пишет царь, – и прочитано внимательно. Яд аспиды у тебя под языком, и письмо твое наполнено медом слов, но в нем горечь полыни. Так ли привык ты, христианин, служить христианскому государю? Ты

пишешь вначале, чтобы разумевал тот, кто обретается противным православию и совесть прокаженную имеет. Подобно бесам, от юности моей вы поколебали благочестие и Богом данную мне державную власть себе похитили». Это возражение – основной мотив в письмах царя.

Мысль о похищении царской власти боярами больше всего и возмущает Ивана. Он возражает не на отдельные выражения князя Курбского, а на весь политический образ мыслей боярства, защитником которого выступил Курбский. «Ведь ты, – пишет ему царь, – в своей бесосоставной грамоте твердишь все одно и то же, переворачивая “разными словесы”, и так, и этак, любезную тебе мысль, чтобы рабам помимо господ обладать властью», – хотя в письме Курбского ничего этого не было написано. «Это ли, – продолжает царь, – совесть прокаженная, чтобы царство свое в своей руке держать, а рабам своим не давать властвовать? Это ли противно разуму – не хотеть быть обладаему своими рабами? Это ли православие пресветлое – быть под властью рабов?» Все рабы и рабы, и никого больше, кроме рабов.

Курбский толкует царю о мудрых советниках, синклите, а царь не признает никаких мудрых советников, для него не существует никакого синклита, а есть только люди, служащие при его дворе, дворовые холопы. Он знает одно: что «земля правится Божиим милосердием и родителей наших благословением, а потом нами, своими государями, а не судьями и воеводами, не ипатами и стратигами». Все полити-

ческие помыслы царя сводятся к одной идее – мысли о самодержавной власти.

Самодержавие для Ивана не только нормальный, свыше установленный государственный порядок, но и исконный факт нашей истории, идущий из глубины веков. «Самодержавства нашего начало – от святого Владимира; мы родились и выросли на царстве, своим обладаем, а не чужое похитили; русские самодержцы изначала сами владеют своими царствами, а не бояре и вельможи». Царь Иван был первый, кто высказал на Руси такой взгляд на самодержавие. Древняя Русь не знала такого взгляда, не соединяла с идеей самодержавия внутренних и политических отношений, считая самодержцем только властителя, независимого от внешней силы. Царь Иван обратил первый внимание на эту внутреннюю сторону верховной власти и глубоко проникся своим новым взглядом: через все свое длинное-предлинное первое послание проводит он эту идею, оборачивая одно слово, по его собственному признанию, «семо и овамо», то туда, то сюда. Все его политические идеи сводятся к одному этому идеалу, образу самодержавного царя, не управляемого ни «попами», ни «рабами». «Как же самодержец наречется, аще не сам строит?» Многовластие – безумие.

Этой самодержавной власти Иван дает Божественное происхождение и указывает ей не только политическое, но и высокое религиозно-нравственное назначение: «Тщусь со усердием людей на истину и на свет наставить, да познают еди-

ного истинного Бога, в Троице славимого, и от Бога данного им государя, а от междоусобных браней и строптивного жителя да отстанут, коими царства разрушаются; ибо если царю не повинуются подвластные, то никогда междоусобные брани не прекратятся». Столь возвышенному назначению власти должны соответствовать многообразные свойства, требуемые от самодержца. Он должен быть осмотрителен, не иметь ни зверской ярости, ни бессловесного смирения, должен карать татей и разбойников, быть и милостивым, и жестоким, милостивым к добрым и жестоким к злым: не то он и не царь. «Царь – гроза не для добрых, а для злых дел; хочешь не бояться власти – делай добро, а делаешь зло – бойся, ибо царь не зря носит меч, а для кары злых и для ободрения добрых». Никогда у нас до Петра Великого верховная власть в отвлеченном самосознании не поднималась до такого отчетливого, по крайней мере, до такого энергического выражения своих задач. Но когда дело дошло до практического самоопределения, этот полет политической мысли кончился крушением.

Вся философия самодержавия у царя Ивана свелась к одному простому заключению: «Жаловать своих холопей мы вольны и казнить их вольны же». Для подобной формулы вовсе не требовалось такого напряжения мысли. Удельные князья приходили к тому же заключению без помощи возвышенных теорий самодержавия и даже выражались почти теми же словами: «Я, князь такой-то, волен, кого жалую, ко-

го казнию». Здесь и в царе Иване, как некогда в его деде, вотчинник торжествовал над государем.

Характер переписки. Такова политическая программа царя Ивана. Столь резко и своеобразно выраженная идея самодержавной власти, однако, не развивается у него в определенный разработанный политический порядок; из нее не извлекаются практические последствия. Царь нигде не говорит, согласен ли его политический идеал с существующим государственным устройством или требует нового, может ли, например, его самодержавная власть действовать об руку с наличным боярством, только изменив его политические нравы и привычки, или должна создать совсем иные орудия управления. Можно только почувствовать, что царь тяготится своим боярством. Но против самодержавия, как его тогда понимали в Москве, самодержавия, идущего от св. Владимира, не восставало прямо и боярство. Бояре признавали самодержавную власть московского государя, как ее создала история. Они только настаивали на необходимости и пользе участия в управлении другой политической силы, созданной той же историей, – боярства и даже призывали в помощь обеим этим силам третью – земское представительство. Несправедливо было со стороны царя обвинять бояр и в самоволии «попа-невежи» Сильвестра и «собаки» Адашева. Иван мог пенять за это только на самого себя, потому что сам дал неподобающую власть этим людям, к боярству и не принадлежавшим, сделал их временщиками.

Из-за чего же шел спор? Обе стороны отстаивали существующее. Чувствуется, что они как будто не вполне понимали друг друга, что какое-то недоразумение разделяло обоих спорщиков. Это недоразумение заключалось в том, что в их переписке столкнулись не два политических образа мыслей, а два политических настроения; они не столько полемизируют друг с другом, сколько исповедуются один другому. Курбский так прямо и назвал царское послание исповедью, насмешливо заметив, что, не будучи пресвитером, не считает себя достойным и краем уха послушать царской исповеди. Каждый из них твердит *свое* и плохо слушает противника. «За что ты бьешь нас, верных слуг своих?» – спрашивает князь Курбский. «Нет, – отвечает ему царь Иван, – русские самодержцы изначала сами владеют своими царствами, а не бояре и не вельможи». В такой простейшей форме можно выразить сущность знаменитой переписки.

А. Васнецов. Москва при Иване Грозном. Красная площадь

Но, плохо понимая один другого и свое настоящее положение, оба противника доспорились до предвидения будущего, до пророчества и – предсказали друг другу обоюдную гибель. В послании 1579 г., напомнив царю гибель Саула с его царским домом, Курбский продолжает: «...не губи себя и дому твоего... облитые кровью христианской, исчезнут вскоре со всем домом». Курбский представлял свою родовитую братию каким-то избранным племенем, на котором по-

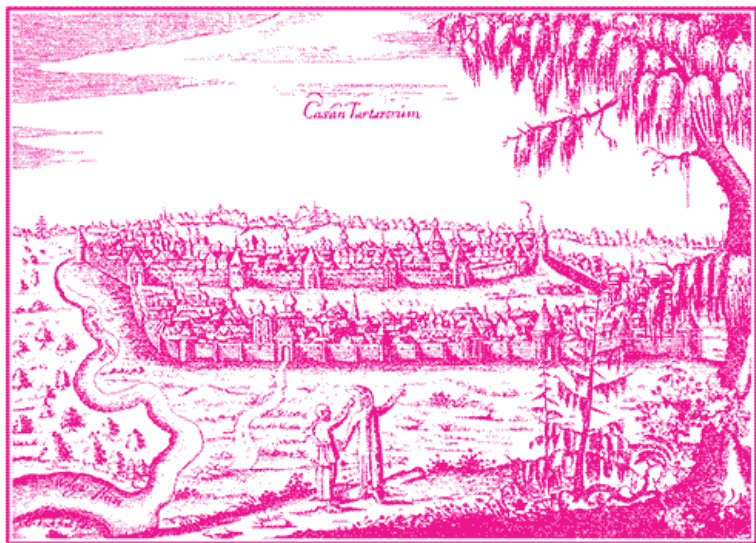
чиет особое благословение, и колол глаза царю затруднением, какое он сам себе создал, перебив и разогнав «сильных во Израиле», богоданных воевод своих, и оставшись с худородными «воеводишками», которые пугаются не только появления неприятеля, но и шелеста листьев, колеблемых ветром. На эти попреки царь ответил исторической угрозой: «Когда бы вы были чада Авраамовы, то и дела творили бы Авраамовы; но может Бог и из камней воздвигнуть чад Аврааму». Эти слова написаны были в 1564 г., в то самое время, когда царь задумывал смелое дело – подготовку нового правящего класса, который должен был прийти на смену ненавистному боярству.

Династическое происхождение разлада. Итак, обе спорившие стороны были недовольны друг другом и государственным порядком, в котором действовали, которым даже руководили. Но ни та, ни другая сторона не могла придумать другого порядка, который бы соответствовал ее желаниям, потому что все, чего желали они, уже практиковалось или было испробовано. Если, однако, они спорили и враждовали друг с другом, это происходило оттого, что настоящей причиной раздора был не вопрос о государственном порядке. Политические суждения и упреки высказывались лишь в оправдание обоюдного недовольства, шедшего из другого источника. Раздор с особенной силой обнаруживался два раза и по одинаковому поводу – вопросу о наследнике престола: государь назначал одного, бояре хотели другого. Так раз-

лад обеих сторон имел, собственно, не политический, а династический источник.

Дело шло не о том, как править государством, а о том, кто будет им править. И здесь с обеих сторон сказались преломленные ходом дел привычки удельного времени. Тогда боярин выбирал себе князя, переезжая от одного княжеского двора к другому. Теперь, когда уехать из Москвы стало некуда или неудобно, бояре хотели выбирать между наследниками престола, когда представлялся случай. Свое притязание они могли оправдывать отсутствием закона о престолонаследии.

Вид Казани в XVII в.

*Из книги XVII века «Описание путешествия в Московию»
Адама Олеария*

Здесь им помог сам московский государь. Сознав себя национальным государем всея Руси, он на половину своего самосознания остался удельным вотчинником и не хотел ни поступиться кому-либо своим правом предсмертного распоряжения вотчиной, ни законом ограничить своей личной воли: «Кому хочу, тому и дам княжество». Стороннее вмешательство в эту личную волю государя трогало его больнее, чем мог трогать какой-либо общий вопрос о государственном порядке. Отсюда обоюдное недоверие и раздражение. Но когда приходилось выражать эти чувства устно или письменно, затрагивались и общие вопросы, и тогда обнаруживалось, что действовавший государственный порядок страдал противоречиями, частично отвечал противоположным интересам, никого вполне не удовлетворяя. Эти противоречия и вскрылись в опричнине, в которой царь Иван искал выхода из неприятного положения.

Обстоятельства, подготовившие опричнину. Изложу наперед обстоятельства, при которых явилась эта злополучная опричнина.

Едва вышедши из малолетства, еще не имея 20 лет, царь Иван с необычайной для его возраста энергией принялся за дела правления. Тогда, по указаниям умных руководителей царя: митрополита Макария и священника Сильвестра, из

боярства, разбившегося на враждебные кружки, выдвинулось и стало около престола несколько дельных, благомыслящих и даровитых советников – «избранная рада». Так князь Курбский называет этот совет, очевидно получивший фактическое господство в Боярской думе, вообще в центральном управлении. С этими доверенными людьми царь и начал править государством.

В этой правительственной деятельности, обнаруживающейся с 1550 г., смелые внешние предприятия шли рядом с широкими и хорошо обдуманнами планами внутренних преобразований. В 1550 г. был созван первый Земский собор, на котором обсуждали, как устроить местное управление, и решили пересмотреть и исправить старый Судебник Ивана III и выработать новый, лучший порядок судопроизводства. В 1551 г. созван был большой церковный собор, которому царь предложил обширный проект церковных реформ, имевший целью привести в порядок религиозно-нравственную жизнь народа. В 1552 г. было завоевано царство Казанское, и, тотчас после того, начали вырабатывать сложный план местных земских учреждений, которыми предназначено было заменить коронных областных управителей – «кормленщиков»: вводилось земское самоуправление. В 1558 г. начата была Ливонская война с целью пробиться к Балтийскому морю и завязать непосредственные сношения с Западной Европой, попользоваться ее богатой культурой. Во всех этих важных предприятиях, повторяю, Ивану помога-

ли сотрудники, которые сосредоточивались около двух лиц, особенно близких к царю, – священника Сильвестра и Алексея Адашева, начальника Челобитного приказа, по-нашему – статс-секретаря у принятия прошений на высочайшее имя.

Разные причины – частью домашние недоразумения, частью несогласие в политических взглядах – охладили царя к его избранным советникам. Разгоравшаяся неприязнь их к родственникам царицы, Захарьиным, повела к удалению от двора Адашева и Сильвестра, а случившуюся при таких обстоятельствах в 1560 г. смерть Анастасии царь приписал огорчениям, какие потерпела покойная от этих дворцовых дрязг. «Зачем вы разлучили меня с моей женой? – болезненно спрашивал Иван Курбского в письме к нему 18 лет спустя после этого семейного несчастья. – Только бы у меня не отняли юницы моей, кроновых жертв (боярских казней) не было бы». Наконец, бегство князя Курбского, ближайшего и самого даровитого сотрудника, произвело окончательный разрыв. Нервный и одинокий, Иван потерял нравственное равновесие, всегда шаткое у нервных людей, когда они остаются одинокими.

Отъезд царя из Москвы и его послания. При таком настроении царя в московском Кремле случилось странное, небывалое событие. Раз в конце 1564 г. там появилось множество саней. Царь, ничего никому не говоря, собрался со всей своей семьей и с некоторыми придворными куда-то в дальний путь, захватил с собой утварь, иконы и кресты, пла-

тье и всю свою казну и выехал из столицы. Видно было, что это ни обычная богомольная, ни увеселительная поездка царя, а целое переселение. Москва оставалась в недоумении, не догадываясь, что задумал хозяин. Побывав у Троицы, царь со всем багажом остановился в Александровской слободе (ныне это Александров – уездный город Владимирской губернии).

Отсюда через месяц по отъезде царь прислал в Москву две грамоты. В одной, описав беззакония боярского правления в свое малолетство, он клал свой государев гнев на все духовенство и бояр, всех служилых и приказных людей, поголовно обвиняя их в том, что они о государе, государстве и обо всем православном христианстве не радели, от врагов их не обороняли. Напротив, сами притесняли христиан, расхищали казну и земли государевы, а духовенство покрывало виновных, защищало их, ходатайствуя за них пред государем. И вот царь, гласила грамота, «от великой жалости сердца», не стерпев всех этих измен, покинул свое царство и пошел поселиться где-нибудь, где ему Бог укажет. Это как будто отречение от престола с целью испытать силу своей власти в народе.

Московскому простонародью, купцам и всем тяглым людям столицы царь прислал другую грамоту, которую им прочитали всенародно на площади. Здесь царь писал, чтобы они сомнения не держали, что царской опалы и гнева на них нет. Все замерло, столица мгновенно прервала свои обычные за-

нятия: лавки закрылись, приказы опустели, песни замолкли. В смятении и ужасе город завопил, прося митрополита, епископов и бояр ехать в слободу, бить челом государю, чтобы он не покидал государства. При этом простые люди кричали, чтобы государь вернулся на царство оборонять их от волков и хищных людей, а за государских изменников и лиходеев они не стоят и сами их истребят.

Возвращение царя. В слободу отправилась депутация из высшего духовенства, бояр и приказных людей с архиепископом Новгородским Пименом во главе, сопровождаемая многими купцами и другими людьми, которые шли бить челом государю и плакаться, чтобы государь правил, как ему угодно, по всей своей государственной воле. Царь принял земское челобитье, согласился воротиться на царство, «паки взять свои государства», но на условиях, которые обещал объявить после. Через несколько времени, в феврале 1565 г., царь торжественно воротился в столицу и созвал Государственный совет из бояр и высшего духовенства. Его здесь не узнали: небольшие серые пронизательные глаза погасли, всегда оживленное и приветливое лицо осунулось и высматривало нелюдимо, на голове и в бороде от прежних волос уцелели только остатки. Очевидно, два месяца отсутствия царь провел в страшном душевном состоянии, не зная, чем кончится его затея. В совете он предложил условия, на которых принимал обратно брошенную им власть. Условия эти состояли в том, чтобы ему на изменников своих и послушни-

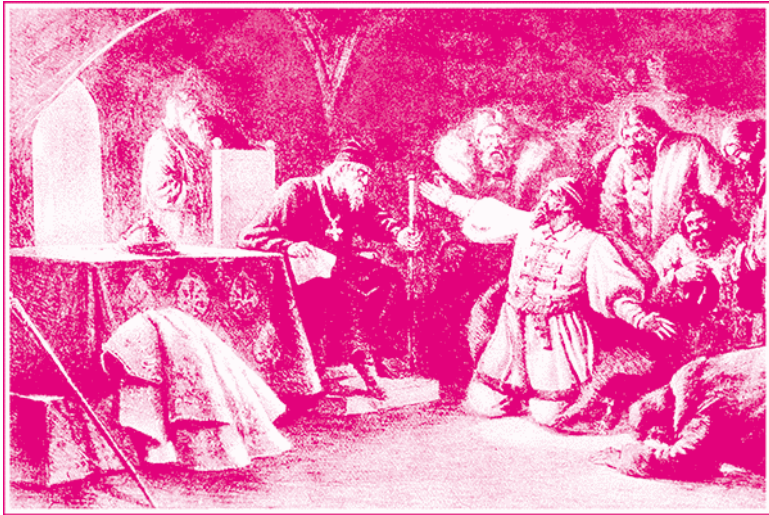
ков опалы класть, а иных и казнить, имущество их брать на себя в казну, чтобы духовенство, бояре и приказные люди все это положили на его государевой воле, ему в том не мешали. Царь как будто выпросил себе у Государственного совета полицейскую диктатуру – своеобразная форма договора государя с народом!

Указ об опричнине. Для расправы с изменниками и ослушниками царь предложил учредить опричнину. Это был особый двор, какой образовал себе царь, с особыми боярами, с особыми дворецкими, казначеями и прочими управителями, дьяками, всякими приказными и дворовыми людьми, с целым придворным штатом. Летописец усиленно ударяет на это выражение «особной двор», на то, что царь приговорил все на этом дворе «учинити себе особно». Из служилых людей он отобрал в опричнину тысячу человек, которым в столице на посаде за стенами Белого города, за линией нынешних бульваров, отведены были улицы (Пречистенка, Сивцев Вражек, Арбат и левая от города сторона Никитской) с несколькими слободами до Новодевичьего монастыря; прежние обыватели этих улиц и слобод из служилых и приказных людей были выселены из своих домов на другие улицы московского посада.

На содержание этого двора, «на свой обиход» и своих детей, царевичей Ивана и Федора, он выделил из своего государства до 20 городов с уездами и несколько отдельных волостей, в которых земли розданы были опричникам, а преж-

ние землевладельцы выведены были из своих вотчин и поместий и получали земли в неопричных уездах. До 12 тысяч этих выселенцев зимой с семьями шли пешком из отнятых у них усадеб на отдаленные пустые поместья, им отведенные. Эта выделенная из государства опричная часть не была цельная область, сплошная территория, составила из сел, волостей и городов, даже только частей иных городов, рассеянных там и сям, преимущественно в центральных и северных уездах (Вязьма, Козельск, Суздаль, Галич, Вологда, Старая Руса, Каргополь и др.; после взята в опричнину Торговая сторона Новгорода). «Государство же свое Московское», т. е. всю остальную землю, подвластную московскому государю, с ее воинством, судом и управой, царь приказал ведать и всякие дела земские делать боярам, которым велел быть «в земских», и эта половина государства получила название *земщины*. Все центральные правительственные учреждения, оставшиеся в земщине, приказы, должны были действовать по-прежнему, «управу чинить по старине», обращаясь по всяким важным земским делам в думу земских бояр, которая правила земщиной, докладывая государю только о военных и важнейших земских делах.

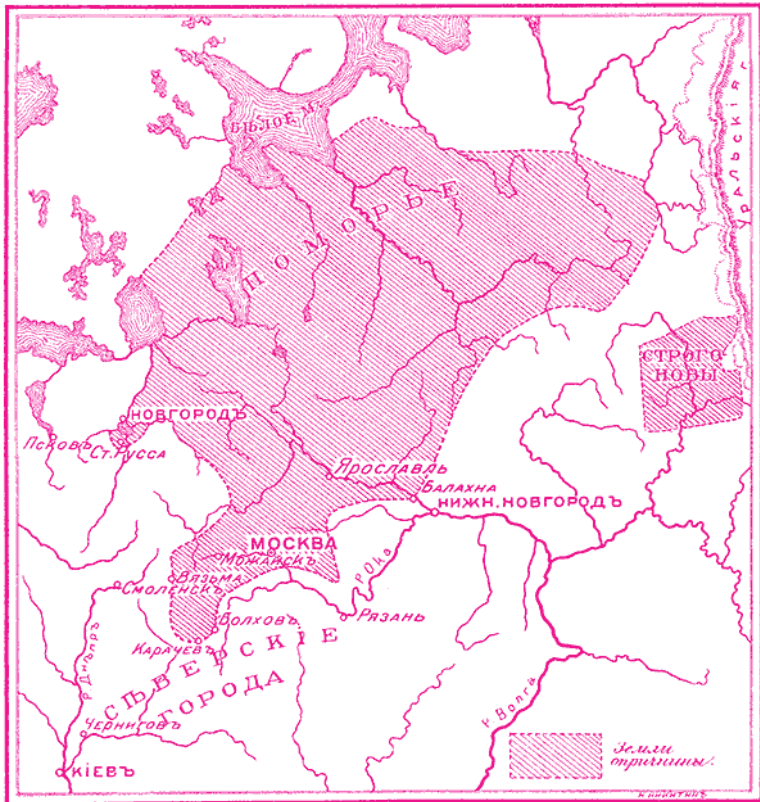
Ф. Бухгольц. **Бояре умоляют Ивана Грозного не оставлять царство**

Так все государство разделилось на две части – земщину и опричнину; во главе первой осталась Боярская дума, во главе второй непосредственно стал сам царь, не отказываясь и от верховного руководства думой земских бояр. «За подъем же свой», т. е. на покрытие издержек по выезду из столицы, царь взыскал с земщины, как бы за служебную командировку по ее делам, подъемные деньги – 100 тысяч рублей (около бмиллионов рублей на наши деньги). Так изложила старая летопись не дошедший до нас «указ об опричнине», по-видимому, заранее заготовленный еще в

Александровской слободе и прочитанный на заседании Государственного совета в Москве. Царь спешил. Не медля, на другой же день после этого заседания, пользуясь предоставленным ему полномочием, он принялся на изменников своих опалы класть, а иных – казнить, начав с ближайших сторонников беглого князя Курбского; в один этот день шестеро из боярской знати были обезглавлены, а седьмой посажен на кол.

Жизнь в слободе. Началось устройство опричнины. Прежде всего, сам царь, как первый опричник, поторопился выйти из церемонного, чинного порядка государевой жизни, установленного его отцом и дедом. Он покинул свой наследственный кремлевский дворец, перевезся на новое укрепленное подворье, которое велел построить себе где-то среди своей опричнины, между Арбатом и Никитской. В то же время приказал своим опричным боярам и дворянам ставить себе в Александровской слободе дворы, где им предстояло жить, а также здания правительственных мест, предназначенных для управления опричниной. Скоро он и сам поселился там же, а в Москву стал приезжать «не на великое время». Так возникла среди глухих лесов новая резиденция – опричная столица с дворцом, окруженным рвом и валом, со сторожевыми заставами по дорогам. В этой берлоге царь устроил дикую пародию монастыря. Он подобрал три сотни самых отъявленных опричников, которые составили братию, сам принял звание игумена, а князя Афанасия Вязем-

ского облек в сан келаря. Царь покрыл этих штатных разбойников монашескими скуфейками, черными рясами, сочинил для них общежительный устав, сам с царевичами по утрам лазил на колокольню звонить к заутрене, в церкви читал и пел на клиросе и клал такие земные поклоны, что со лба его не сходили кровоподтеки. После обедни, за трапезой, когда веселая братия объедалась и опивалась, царь за аналоем читал поучения отцов Церкви о посте и воздержании. Потом он одиноко обедал сам, после обеда любил говорить о законе, дремал или шел в застенки присутствовать при пытке заподозренных.

Карта, показывающая земли Московского государства, отошедшие в опричнину

Опричнина и земщина. Опричнина, при первом взгляде на нее, особенно при таком поведении царя, представляется учреждением, лишенным всякого политического смысла.

ла. В самом деле, объявив в послании всех бояр изменниками и расхитителями земли, царь оставил управление земель в руках этих изменников и хищников. Но и у опричнины был свой смысл, хотя и довольно печальный. В ней надо различать территорию и цель. Слово «опричина» в XVI в. было уже устарелым термином, который тогдашняя московская летопись перевела выражением «особной двор». Не царь Иван выдумал это слово, заимствованное из старого удельного языка. В удельное время так назывались особые выделенные владения, преимущественно те, которые отдавались в полную собственность княгиням-вдовам, в отличие от данных в пожизненное пользование, от прожитков. Опричина царя Ивана была дворцовое хозяйственно-административное учреждение, заведовавшее землями, отведенными на содержание царского двора.

Сам царь Иван смотрел на учрежденную им опричнину как на свое частное владение, на особый двор или удел, который он выделил из состава государства; он предназначал после себя земщину старшему своему сыну как царю, а опричнину – младшему как удельному князю. Есть известие, что во главе земщины был поставлен крещеный татарин, пленный казанский царь Едигер-Симеон.

Позднее, в 1574 г., царь Иван венчал на царство другого татарина, касимовского хана Санн-Булата, в крещении Симеона Бекбулатовича, дав ему титул государя великого князя всея Руси. Переводя этот титул на наш язык, можно ска-

зять, что Иван назначал того и другого Симеона председателями думы земских бояр. Симеон Бекбулатович правил царством два года, потом его сослали в Тверь. Все правительственные указы писались от имени этого Симеона как настоящего всероссийского царя, а сам Иван довольствовался скромным титулом государя князя, даже не великого, а просто князя Московского, не всяя Руси. Он ездил к Симеону на поклон, как простой боярин и в челобитных своих к Симеону величал себя князем Московским Иванцом Васильевым, который бьет челом «со своими детишками», с царевичами. Можно думать, что здесь не все – политический маскарад. Царь Иван противопоставлял себя как князя Московского удельного государю всяя Руси, стоявшему во главе земщины.

Выставляя себя особым, опричным князем Московским, Иван как будто признавал, что вся остальная Русская земля составляла ведомство совета, состоявшего из потомков ее бывших властителей, князей великих и удельных, из которых состояло высшее московское боярство, заседавшее в земской думе. После Иван переименовал опричнину во двор, бояр и служилых людей опричных – в бояр и служилых людей дворовых. У царя в опричнине была своя дума, «свои бояре»; опричной областью управляли особые приказы, однородные со старыми земскими. Дела общегосударственные, как бы сказать, имперские, вела с докладом царю земская дума. Но иные вопросы царь приказывал обсуждать всем боярам, земским и опричным, и «бояре обои» ставили общее

решение.

Назначение опричнины. Но, спрашивается, зачем понадобилась эта реставрация или эта пародия удела? Учреждению с такой обветшалой формой и с таким архаичным названием царь указал небывалую дотоле задачу: опричнина получила значение политического убежища, куда хотел укрыться царь от своего крамольного боярства. Мысль, что он должен бежать от своих бояр, постепенно овладела его умом, стала его безотвязной думой.

В духовной своей, написанной около 1572 г., царь пресе-рьезно изображает себя изгнанником, скитальцем. Здесь он пишет: «По множеству беззаконий моих распростерся на меня гнев Божий, изгнан я боярами, ради их самовольства, из своего достояния и скитаюсь по странам». Ему приписывали серьезное намерение бежать в Англию. Итак, опричнина явилась учреждением, которое должно было ограждать личную безопасность царя. Ей указана была политическая цель, для которой не было особого учреждения в существовавшем московском государственном устройстве. Цель эта состояла в том, чтобы истребить крамолу, гнездившуюся в Русской земле, преимущественно в боярской среде.

Опричнина получила назначение высшей полиции по делам государственной измены. Отряд в тысячу человек, зачисленный в опричнину и потом увеличенный до 6 тысяч, становился корпусом дозорщиков внутренней крамолы. Малюта Скуратов, т. е. Григорий Яковлевич Плещеев-Бель-

ский, родич святого митрополита Алексия, был как бы шефом этого корпуса, а царь выпросил себе у духовенства, бояр и всей земли полицейскую диктатуру для борьбы с этой крамолой. Как специальный полицейский отряд опричнина получила особый мундир: у опричника были привязаны к седлу собачья голова и метла – это были знаки его должности, состоявшей в том, чтобы выслеживать, вынюхивать и выметать измену и грызть государевых злодеев-крамольников. Опричник ездил весь в черном с головы до ног, на вороном коне в черной же сбруе, потому современники прозвали опричнину «тьмой кромешной», говорили о ней: «...яко ночь, темна». Это был какой-то орден отшельников, подобно инокам, от земли отрекшихся и с землей боровшихся, как иноки борются с соблазнами мира.

Самый прием в опричную дружину обставлен был не то монастырской, не то конспиративной торжественностью. Князь Курбский в своей «Истории царя Ивана» пишет, что царь со всей Русской земли собрал себе «человеков скверных и всякими злостями исполненных». Он обязал их страшными клятвами не знаться не только с друзьями и братьями, но и с родителями, а служить единственно ему и на этом заставлял их целовать крест. Припомним при этом, что я сказал о монастырском чине жизни, какой установил Иван в слободе для своей избранной опричной братии.

Противоречие в строе государства. Таково было происхождение и назначение опричнины. Но, объяснив ее про-

исхождение и назначение, все-таки довольно трудно понять ее политический смысл. Легко видеть, как и для чего она возникла, но трудно уяснить себе, как могла она возникнуть, как могла прийти царю самая мысль о таком учреждении. Ведь опричнина не отвечала на политический вопрос, стоявший тогда на очереди, не устраняла затруднения, которым была вызвана. Затруднение создавалось столкновениями, какие возникали между государем и боярством. Источником этих столкновений были не противоречивые политические стремления обеих государственных сил, а одно противоречие в самом политическом строе Московского государства. Государь и боярство не расходились друг с другом непримиримо в своих политических идеалах, в планах государственного порядка, а только натолкнулись на одну несообразность в установившемся уже государственном порядке, с которой не знали что делать.

Что такое было на самом деле Московское государство в XVI веке? Это была абсолютная монархия, но с аристократическим управлением, т. е. правительственным персоналом. Не было политического законодательства, которое определяло бы границы верховной власти, но был правительственный класс с аристократической организацией, которую признавала сама власть. Эта власть росла вместе, одновременно и даже об руку с другой политической силой, ее стеснявшей. Таким образом, характер этой власти не соответствовал свойству правительственных орудий, посредством кото-

рых она должна была действовать. Бояре возомнили себя властными советниками государя всея Руси в то самое время, когда этот государь, оставаясь верным воззрению удельного вотчинника, согласно с древнерусским правом, пожаловал их как дворовых слуг своих в звание холопов государевых. Обе стороны очутились в таком неестественном отношении друг к другу, которого они, кажется, не замечали, пока оно складывалось, и с которым не знали что делать, когда его заметили. Тогда обе стороны почувствовали себя в неловком положении и не знали, как из него выйти. Ни боярство не умело устроиться и устроить государственный порядок без государевой власти, к какой оно привыкло, ни государь не знал, как без боярского содействия управиться со своим царством в его новых пределах. Обе стороны не могли ни ужиться одна с другой, ни обойтись друг без друга. Не умея ни поладить, ни расстаться, они попытались разделиться – жить рядом, но не вместе. Таким выходом из затруднения и была опричнина.

Мысль о смене боярства дворянством. Но такой выход не устранял самого затруднения. Оно заключалось в неудобном для государя политическом положении боярства как правительственного класса, его стеснявшего. Выйти из затруднения можно было двумя путями: надобно было или устранить боярство как правительственный класс и заменить его другими, более гибкими и послушными орудиями управления, или разъединить его, привлечь к престолу наиболее

надежных людей из боярства и с ними править, как и правил Иван в начале своего царствования. Первого он не мог сделать скоро, второго не сумел или не захотел сделать. В беседах с приближенными иноземцами царь неосторожно признавался в намерении изменить все управление страной и даже истребить вельмож. Но мысль преобразовать управление ограничилась разделением государства на земщину и опричнину, а поголовное истребление боярства осталось нелепой мечтой возбужденного воображения: мудрено было выделить из общества и истребить целый класс, переплетавшийся разнообразными бытовыми нитями со слоями, под ним лежавшими.

Н. Неврев. Опричники

Точно так же царь не мог скоро создать другой правительственный класс взамен боярства. Такие перемены требуют времени, навыка: надобно, чтобы правящий класс привык к власти, и чтобы общество привыкло к правящему классу. Но, несомненно, царь подумывал о такой замене и в своей опричнине видел подготовку к ней. Эту мысль он вынес из детства, неурядицы боярского правления. Она же побудила его приблизить к себе и А. Адашева, взяв его, по выражению царя, из палочников, «от гноища», и учинив с вельможами в чаянии от него прямой службы. Так Адашев стал первообразом опричника. С образом мыслей, господствовавшим потом в опричнине, Иван имел случай познакомиться в самом начале своего царствования. В 1537 г. или около того выехал из Литвы в Москву некто Иван Пересветов, причитавший себя к роду героя-инока Пересвета, сражавшегося на Куликовом поле. Этот выходец был авантюрист-кондотьери (глава наемной дружины в Италии. – *Прим. ред.*), служивший в наемном польском отряде трем королям – польскому, венгерскому и чешскому. В Москве он потерпел от больших людей, потерял «собинку», нажитое службой имущество, и в 1548 или 1549 г. подал царю обширную челобитную. Это резкий политический памфлет, направленный против бояр, в пользу «воинов», т. е. рядового военно-служилого дворянства, к которому принадлежал сам челобитчик.

Автор предостерегает царя Ивана от «ловления» со сторо-

ны ближних людей, без которых он не может «ни часу быти»; другого такого царя во всей подсолнечной не будет, лишь бы только Бог соблюл его от «ловления вельмож». Вельможи у царя худы, крест целуют, да изменяют; царь междоусобную войну «на свое царство пушает», назначая их управителями городов и волостей, а они от крови и слез христианских «богатеют и ленивеют». Кто приближается к царю вельможеством, а не воинской заслугой или другой какой мудростью, тот – чародей и еретик, у царя счастье и мудрость отнимает, того жечь надо. Автор считает образцовым порядок, заведенный царем Махмет-Салтаном, который возведет правителя высоко, «да и пхнет его взашею надол», приговаривая: не умел в доброй славе жить и верно государю служить. Государю пристойно со всего царства доходы собирать себе в казну, из казны воинам сердце веселить, к себе их припускать близко и во всем им верить.

Застенок в России

Челобитная как будто была писана передним числом в оправдание опричнины: так ее идеи были на руку «худородным кремешникам», и сам царь не мог не сочувствовать направлению мыслей Пересветова. Он писал одному из опричников – Васюку Грязному: «По грехам нашим учинилось, и нам того как утаить, что отца нашего и наши бояре учили нам изменять, и мы вас, страдников, приближали, ожидая от вас службы и правды». Эти опричные страдники, худородные люди из рядового дворянства, и должны были служить теми «чадами Авраама из камня», о которых писал царь князю Курбскому. Так, по мысли царя Ивана, дворянство долж-

но было сменить боярство как правящий класс в виде опричника. В конце XVII в. эта смена, как увидим, и совершилась, только в иной форме, не столь ненавистной.

Бесцельность опричнины. Во всяком случае, избирая тот или другой выход, предстояло действовать против политического положения целого класса, а не против отдельных лиц. Царь поступил наоборот. Заподозрив все боярство в измене, он бросился на заподозренных, вырывая их поодиночке, но оставил класс во главе земского управления. Не имея возможности сокрушить неудобный для него правительственный строй, он стал истреблять отдельных подозрительных или ненавистных ему лиц. Опричники ставились не на место бояр, а против бояр; они могли быть по самому назначению своему не правителями, а только палачами земли. В этом состояла политическая бесцельность опричнины; вызванная столкновением, причиной которого был порядок, а не лица, она была направлена против лиц, а не против порядка. В этом смысле и можно сказать, что опричнина не отвечала на вопрос, стоявший на очереди. Она могла быть внушена царю только неверным пониманием положения боярства, как и своего собственного положения. Она была в значительной мере плодом чересчур пугливого воображения царя. Иван направлял ее против страшной крамолы, будто бы гнездившейся в боярской среде и грозившей истреблением всей царской семьи. Но действительно ли так страшна была опасность?

Политическая сила боярства и помимо опричнины была подорвана условиями, прямо или косвенно созданными московским собиранием Руси. Возможность дозволенного, законного отъезда, главной опоры служебной свободы боярина, ко времени царя Ивана уже исчезла: кроме Литвы, отъехать было некуда, единственный уцелевший удельный князь Владимир Старицкий договорами обязался не принимать ни князей, ни бояр и никаких людей, отъезжавших от царя.

Служба бояр из вольной стала обязательной, невольной. Местничество лишало класс способности к дружному совместному действию. Поземельная перетасовка важнейших служилых князей, производившаяся при Иване III и его внуке посредством обмена старинных княжеских вотчин на новые, перемещала князей Одоевских, Воротынских, Мезецких с опасных окраин, откуда они могли завести сношения с заграничными недругами Москвы, куда-нибудь на Клязьму или Верхнюю Волгу, в чужую им среду, с которой у них не было никаких связей. Знатнейшие бояре правили областями, но так, что своим управлением приобретали себе только ненависть народа.

Так, боярство не имело под собой твердой почвы ни в управлении, ни в народе, ни даже в своей сословной организации, и царь должен был знать это лучше самих бояр. Серьезная опасность грозила при повторении случая 1553 г., когда многие бояре не хотели присягать ребенку, сыну опасно больного царя, имея в виду возвести на престол удельного

Владимира, дядю царевича. Едва перемогавшийся царь прямо сказал присягнувшим боярам, что, в случае своей смерти, он предвидит судьбу своего семейства при царе-дяде.

Это – участь, обычно постигавшая принцев-соперников в восточных деспотиях. Собственные предки царя Ивана, князья Московские, точно так же расправлялись со своими родичами, становившимися им поперек дороги; точно так же расправился и сам царь Иван со своим двоюродным братом Владимиром Старицким. Опасность 1553 г. не повторилась. Но опричнина не предупреждала этой опасности, а скорее усиливала ее.

В 1553 г. многие бояре стали на сторону царевича, и династическая катастрофа могла не состояться. В 1568 г., в случае смерти царя, едва ли оказалось бы достаточно сторонников у его прямого наследника: опричнина сплотила боярство инстинктивно – чувством самосохранения.

Суждения о ней современников. Без такой опасности боярская крамола не шла далее помыслов и попыток бежать в Литву: ни о заговорах, ни о покушениях со стороны бояр не говорят современники. Но если бы и существовала действительно мятежная боярская крамола, царю следовало действовать иначе: он должен был направлять свои удары исключительно на боярство, а он бил не одних бояр и даже не бояр преимущественно. Князь Курбский в своей «Истории», перечисляя жертвы Ивановой жестокости, насчитывает их свыше 400. Современники-иностранцы считали даже

за 10 тысяч.

Совершая казни, царь Иван, по набожности, заносил имена казненных в *помянники* (синодики), которые рассылал по монастырям для поминовения душ покойных с приложением поминальных вкладов. Эти помянники – очень любопытные памятники; в некоторых из них число жертв возрастает до 4 тысяч. Но боярских имен в этих мартирологах сравнительно немного. Зато сюда заносились перебитые масса-ми и совсем не повинные в боярской крамоле дворовые люди, подьячие, псары, монахи и монахини – «скончавшиеся христиане мужеского, женского и детского чина, имена коих Ты сам, Господи, веси», как заунывно причитает синодик после каждой группы избитых масса-ми. Наконец, очередь дошла и до самой «тьмы кромешной»: погибли ближайшие опричные любимцы царя – князь Вяземский и Басмановы, отец с сыном. Глубоко пониженным, сдержанно-негодующим тоном повествуют современники о смуте, какую внесла опричнина в умы, непривычные к таким внутренним потрясениям. Они изображают опричнину как социальную усобицу. «Воздвигнул царь, – пишут они, – крамолу междоусобную, в одном и том же городе одних людей на других напустил, одних опричными назвал, своими собственными учинил, а прочих земщиною наименовал и заповедал своей части другую часть людей насиловать, смерти предавать и дома их грабить. И была туга и ненависть на царя в миру, и кровопролитие, и казни учинились многие».

Один наблюдательный современник изображает опричнину какой-то непонятной политической игрой царя. Всю державу свою, как топором, пополам рассек и этим всех смутил, так, «божиими людьми играя, став заговорщиком против самого себя». Царь захотел в земщине быть государем, а в опричнине остаться вотчинником, удельным князем. Современники не могли уяснить себе этого политического двуличия. Но они поняли, что опричнина, выводя крамолу, вводила анархию, оберегая государя, колебала самые основы государства. Направленная против воображаемой крамолы, она подготавливала действительную. Наблюдатель, слова которого я сейчас привел, видит прямую связь между Смутным временем, когда он писал, и опричниной, которую помнил: «Великий раскол земли всей сотворил царь, и это разделение, думаю, было прообразом нынешнего всеземского разгласия».

Такой образ действий царя мог быть следствием не политического расчета, а исказившегося политического понимания. Столкнувшись с боярами, потеряв к ним всякое доверие после болезни 1553 г. и особенно после побега князя Курбского, царь преувеличил опасность, испугался: «... за себя есми стал». Тогда вопрос о государственном порядке превратился для него в вопрос о личной безопасности, и он, как не в меру испугавшийся человек, закрыв глаза, начал бить направо и налево, не разбирая друзей и врагов. Значит, в направлении, какое дал царь политическому столкно-

вению, много виноват его личный характер, который потому и получает некоторое значение в нашей государственной истории.

Значение царя Ивана. Таким образом, положительное значение царя Ивана в истории нашего государства далеко не так велико, как можно было бы думать, судя по его замыслам и начинаниям, по шуму, какой производила его деятельность. Грозный царь больше задумывал, чем сделал, сильнее подействовал на воображение и нервы своих современников, чем на современный ему государственный порядок.

Жизнь Московского государства и без Ивана устроилась бы так же, как она строилась до него и после него. Но без него это устройство пошло бы легче и ровнее, чем оно шло при нем и после него. Важнейшие политические вопросы были бы разрешены без тех потрясений, какие были им подготовлены. Важнее отрицательное значение этого царствования. Царь Иван был замечательный писатель, пожалуй, даже бойкий политический мыслитель, но он не был государственный делец.

Одностороннее, себялюбивое и мнительное направление его политической мысли при его нервной возбужденности лишило его практического такта, политического глазомера, чутья действительности, и, успешно предприняв завершение государственного порядка, заложенного его предками, он, незаметно для себя самого, кончил тем, что поколебал самые основания этого порядка. Карамзин преувеличил очень

немного, поставив царствование Ивана – одно из прекраснейших по началу – по конечным его результатам наряду с монгольским игом и бедствиями удельного времени. Вражде и произволу царь жертвовал и собой, и своей династией, и государственным благом. Его можно сравнить с тем ветхозаветным слепым богатырем, который, чтобы погубить своих врагов, на самого себя повалил здание, на крыше коего эти враги сидели.

Большая государственная печать Ивана Грозного